

Исай Кузнецов

**Жили-были
на войне**

Исай Кузнецов

Жили-были на войне

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Художник — АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
В оформлении переплета использована фотография автора из семейного архива
И.И. КУЗНЕЦОВОЙ

Кузнецов, Исай Константинович.
К89 Жили-были на войне / Исай Кузнецов; предисл. Д. ДРАГУНСКОГО. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 351, [1] с. — (На краю войны).

ISBN 978-5-17-090082-4

Исай Кузнецов (1916–2010) — прозаик, драматург, автор киносценариев “Достояние Республики”, “Москва — Кассиопея”, “Отроки во вселенной”, “Пропавшая экспедиция”, созданных в соавторстве с Авениром Заком, а также “Золотая речка”, “Похищение Савойи”, романов “Лестницы” и “Все ушли”.

Книгу “Жили-были на войне” И. Кузнецов составил в последние годы жизни из своих военных рассказов и воспоминаний. В 1941 году он ушел на фронт и служил сержантом в понтонных частях, с которыми дошел до Дрездена. Эти рассказы не о боях и сражениях, они о людях на войне. В сборник включены и его мемуарные записки “До и после” — о предвоенной и послевоенной молодости, о друзьях — Зиновии Гердте, Александре Галиче, Борисе Слуцком, Михаиле Львовском, Всеволоде Багрицком, Давиде Самойлове.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090082-4

© Кузнецов И.К., наследники
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ. *Но люди-то хорошие...* 7

ЖИЛИ-БЫЛИ НА ВОЙНЕ

Это было недавно 15

ПОБЕДИТЕЛЬ

Рассказы

Черная речка..... 21

Женщина..... 32

Пленные..... 40

Джинн..... 53

Такая хреновина 67

Подарок оружейников Зуля..... 85

Маленький Талипов, фрау Шметерлинг
и важный политический офицер 109

Победитель..... 122

Десятое мая 139

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

Коло.....	169
Нижнюв	182
На дороге	190
Граница	194
Бауцен.....	197
Мгновение.....	201

ДО И ПОСЛЕ

Зяма.....	219
Вагончик тронется – перрон останется	242
Горечь полыни.....	261
Перебирая наши даты.....	285
Музыка Слуцкого	311
О молодость послевоенная	328

Но люди-то хорошие...

История нашей литературы еще не написана. Я не имею в виду текущую словесность, история которой творится на наших глазах. Я говорю о литературе вроде бы прошедшей – точнее, о том ее сравнительно недавнем отрезке, который, казалось бы, уже завершен: книги написаны, и авторы окончили свой жизненный путь. И все равно здесь возможны неожиданности. Такие, как книга “Жили-были на войне”.

Точно так же не написана история Отечественной войны – несмотря на обилие парадных генеральско-маршальских мемуаров, официальных концепций и независимых исследований-разоблачений. Река книг и статей, слов и мыслей – берега не видно. На нашей стороне ясно и твердо, а там, через воду – все такой же туман и болото.

Но вот на этой реке появился новый мост – наведенный сержантом 3-й понтонно-мостовой бригады Исаем Кузнецовым.

Исай Константинович Кузнецов родился в Петрограде в 1916 году, в начале тридцатых перебрался в Москву, учился на рабочего по электрическим машинам на знаменитом электрозаводе имени Куйбышева (рядом с которым станция метро “Электrozаводская”) – и там же поступил в студию заводского Театра рабочей молодежи – сокращенно ТРАМ.

Тогда в стране было много таких ТРАМов по большим заводам (этот назывался ТРАМ электриков, и руководил им Валентин Плучек, впоследствии главный режиссер московского Театра сатиры).

А дальше три незабываемых предвоенных года Арбузовской студии. Это было уникальное учреждение, вернее – особый организм, где все студийцы были одновременно актерами, режиссерами и драматургами, где работали Александр Галич, Зиновий Гердт, погибший на войне Всеволод Багрицкий и еще много других талантливых людей. Обо всем этом Кузнецов написал в этой книге, в рассказах-мемуарах “Зяма” и “Перебирая наши даты”.

Потом была война, потом – передвижной Новый театр (был и такой, оказывается). Потом – драматургия.

Исай Кузнецов написал полтора десятка пьес и шестнадцать сценариев. Наверное, работа в ТРАМе и Арбузовской студии навсегда приучила его к совместному творчеству: свою первую, так и не дождавшуюся сцены пьесу “Дуэль” (1941) он написал в соавторстве с Александром Галичем и Всеволодом Багрицким. А у знаменитого детища Арбузовской студии – спектакля “Город на заре” (1941) – было и вовсе тридцать девять авторов, так и на афише было. В 1957 году эта пьеса вышла под именем Арбузова, который, правда, в предисловии упомянул прежних соавторов (о возникшем из-за этого тяжелейшем конфликте Арбузова и Галича написано в рассказе “Перебирая наши даты”).

Многие свои пьесы и большинство сценариев Исай Кузнецов написал в соавторстве с Авениром Заком. Среди них – замечательная пьеса “Два цвета”, поставленная молодым театром “Современник” (1959), и сценарии культовых, как сказали бы сейчас, фильмов “Достояние республики”, “Москва – Кассиопея” и “Отроки во вселенной”, “Пропавшая экспедиция”, “Золотая речка”.

Во ВГИКе Кузнецов вел сценарную мастерскую вместе с Кирой Парамоновой и еще один семинар драматургов при Центральном доме литераторов – это уже совместно со сценаристом и поэтом Михаилом Львовским.

Вот тут я и познакомился с Исаем Константиновичем. Мне было чуть больше тридцати, я уже начал писать сценарии (точнее, экранизации), пытался сочинять пьесы и пошел в семинар Кузнецова и Львовского.

Хотя моя первая встреча с Кузнецовым-драматургом произошла значительно раньше. Мне было лет семь, и меня повели в Центральный детский театр (ныне РАМТ) смотреть какую-то сказку. В этом театре у нашей семьи было много знакомых. Поэтому я сидел в директорской ложе. Прямо передо мной был широкий проход между сценой и рампой. Слева – сцена, которую я видел сбоку, что несколько сбивало восприятие спектакля, потому что частично была видна толчея за кулисами. А справа – уходящие в темноту ряды, заполненные детьми. В первом ряду сидели нарядные мальчики и девочки... И вот в спектакле наступил ужасно страшный момент: палач должен был отрубить герою голову. В руках у палача была здоровенная секира. Картонная, небрежно оклеенная тусклой и морщинистой фольгой. Но это мне было сбоку видно. Из зала, наверное, все выглядело всерьез. И вот голову героя уложили на плаху, палач медленно поднял свою секиру – медленно, чтобы успел вмешаться могучий волшебник, который уже стоял в кулисе и переминался с ноги на ногу. Но волшебника видел только я! А нарядный мальчик в первом ряду не видел! И поэтому, когда секира медленно-медленно стала опускаться на шею героя, мальчик вдруг отчаянно завизжал, заплакал, свалился с кресла и забился в рыданиях. Вслед за ним заплакали и завизжали еще десятка полтора девчонок, а там и весь зал... Палач, не дожидаясь, пока волшебник отнимет у него секиру, махнул рукой и отвернулся. Мамы,

учительницы и капельдинерши успокаивали детей. Кажется, на всякий случай объявили антракт.

Как-то на семинаре я рассказал эту историю, а Исай Константинович воскликнул: “Так это же «Сказка о сказках»! Наша пьеса!” Разговор, кстати говоря, шел об очень важной вещи – о пределах допустимого в пьесе или спектакле, в смысле щекотания нервов публики. Конечно, история с пугливым мальчиком – это смешное исключение, но, однако: Кузнецов и Львовский объясняли нам, что в драматургии есть запретные темы. Не в цензурном смысле, а в художественном. Например, одинокая мать с больным ребенком, брошенный детьми голодный старик, ослепший художник и тому подобные вещи, которые всегда вызывают сочувствие и выжимают слезу. Их использовать нельзя, не надо, нехорошо. Это как удар ниже пояса: эффективно, но против правил. А искусство – это все-таки правила. Поэтому не надо говорить: “все жанры хороши, кроме скучного”. Есть и дурные жанры. Например, порно. Или гиньоль, то есть живодерство на сцене, или пасквиль, то есть злобное осмеяние конкретных узнаваемых личностей, и так далее. Сегодня я не знаю, насколько эти запреты абсолютны – но иметь их в виду в любом случае полезно.

И еще один важный совет от Кузнецова я получил. Хотя это вроде бы чистая техника драматургии, но в полной мере касается и прозы. “Вот представь себе, – говорил Исай Константинович, – стандартный эпизод приключенческого фильма. Герой идет по темному опасному переулку. Бывает так, что герой знает, куда он идет, кого он должен встретить – а вот зритель не знает, поэтому следит с интересом. Бывает наоборот – когда зритель знает, что герою сейчас дадут по башке, а герой, бедняга, не знает. Тогда зритель следит за героем с тревогой и сочувствием. Дети в этих случаях кричат герою: «Стой! Не ходи туда!» Поэтому драма должна состоять из чередований таких моментов. Бывает, конеч-

но, что и герою, и зрителю все одинаково понятно, – но это скучно. Но хуже всего – это когда ни герой, ни зритель не понимают, что происходит. А это означает, что автор сам ни черта не понял в своем сценарии”.

“Но старость – это Рим, который взамен турусов и колес...” Нет, ничего особенного она не требует. Не надо бояться старости, ее надо приветствовать, потому что она, наоборот – дарит. Дарует многомерность и глубину. Рассказы Кузнецова о войне – это рассказы старого человека. Война в этих рассказах прошла через все, какие только можно и какие нельзя, жернова и фильтры памяти, и наружу вышло самое, честно говоря, страшное. Нет, не ужасы бомбежек или голод в плену, не штыковая атака, не танковое сражение, где люди горят в раскаленных железных коробках. Просто – обнаженное и очень обыкновенное человеческое нутро. От войны мы ждем героизма, ждем высокого чувства – оттого будничность мелкой подлости и пошлости бьет по сердцу сильнее какого-нибудь кровавого кошмара. Добродушный секс по взаимному согласию за полбуханки хлеба с тушенкой, да еще под гитару, на фоне крыс, лакомящихся оттаявшими трупами. Писарь, которому чисто эстетически неприятно писать представление к ордену на бойца, закрывшего пробоину в понтоне своей задницей. Рутинный расстрел юного лейтенанта. Или то, что мы сейчас назвали бы коррупцией, а тогда – естественным правом старшего по званию. Но люди-то, люди-то хорошие! Отважные, честные, и даже, представьте себе, добрые – противоречие неразрешимое и по-настоящему трагическое.

Исай Кузнецов умер в Москве в 2010 году, он прожил 93 года – огромную, богатую и счастливую жизнь. Еще не все, написанное им, опубликовано. Ждет своего часа приключенческий роман под названием “Великий мусорщик” о диктаторе-

мечтателе, который решил построить счастье своей маленькой страны на идее “здорового образа жизни”.

Помню, как лет тридцать назад он читал мне вслух целую повесть, или даже роман – “Жизнь Степана Мощеева, описанная Ваней Куркой”, – цепь историй о смекалистом, сильном, хитром русском мужике. Чего стоит один только рассказ, как Степан Мощеев в послевоенные годы работал полотером, натирал полы в квартире у какой-то молоденькой генеральши, ну и... Ну и генерал-то пожилой, да к тому же все время в отъезде. В общем, сами понимаете. А потом, через много лет, возвращаясь из отпуска, Степан Мощеев на вокзале повздорил в очереди на такси с каким-то нахальным молодым человеком. “Он мне рявкает: спокойнее, папаша! И свой документ мне в лицо сует, и там написано – Комитет госбезопасности, имя-фамилия... Ого-го, думаю! Повадка мамашина, а хватка – моя. И с выражением, ласково так отвечаю: ладно, ладно, сынок!”.

Уверен, что повесть о Степане Мощееве тоже будет напечатана. Я же говорю – счастливая жизнь писателя, который и после смерти радуется нас новинками.

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ

Москва, февраль 2015

**Жили-были
на войне**

Это было недавно

Мы росли с убеждением, что война неизбежна, что враги только и ждут случая, чтобы уничтожить “страну победившего социализма”. Мысль эта стала такой привычной, что сделалась почти незаметной и нетрещивой, она стала частью нашей жизни, такой простой и ясной, какой она казалась многим накануне войны. Война? Ну и что? Мы про войну знали всё. Читали о ней у писателя Павленко, видели ее в фильме “Если завтра война”: небо темное от наших самолетов, земля, покрытая несчетным количеством наших танков, уверенные лица командиров, отдающих свои четкие приказы, быстрая, неизбежная, самой историей предопределенная победа.

Когда в морозные дни января сорокового года из Карелии доходили слухи об отступающих батальонах, брошенной технике, о тысячах обмороженных солдат, когда читали сводки с финского фронта, непонятные по своей лаконичности и сдержанности, мы впервые подумали о войне не по шаблону. Оказалось, что не так уж крепка броня, не так уж танки наши быстры. Но к марту линия Маннергейма была прорвана, мы победили, как и должно было быть. Уверенность в не-